

УДК 821.161.1.06

«ВСТРЕЧА»: КОД КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В ОДНОИМЁННЫХ СТИХОТВОРЕНИЯХ И. БУНИНА И В. БРЮСОВА

О.Н. Фенчук

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 11 февраля 2011 года

Аннотация: В статье исследуется проблема культурной памяти в лирике И. Бунина и В. Брюсова. На примере анализа одноимённых стихотворений «Встреча» выявлены художественные особенности творчества указанных поэтов. Исследование позволяет говорить о символизме поэтических образов в стихах Бунина.

Ключевые слова: литературное течение, модернизм, память, символ.

Abstract: The article studies the problem of cultural memory in the lyrics of I. Bunin and V. Bryusov. On the example of the analysis of the both authors poems with the one and same name «Meeting», art features of creativity of the specified poets are revealed. The research allows us to talk about the symbolism of the poetic images in Bunin's verses.

Key words: Literary trend, modernism, memory, symbol.

Проблема «Бунин и модернизм»: спор о принадлежности художника к реалистической или модернистской литературной платформе – берёт своё начало в заметках дореволюционной критики и приобретает полемическую остроту в работах современных исследователей. Обсуждение этого вопроса началось в русской критике начала века с заметок С. Глаголя, В. Львова-Рогачевского, В.М. Шулятикова и др. Более интенсивно разговор о художественных принципах модернизма в творчестве И.А. Бунина зазвучал в эмигрантской критике – рассуждениях Г. Адамовича, И. Ильина, П. Бицilli и др. В советском, а позже в российском литературоведении эта проблема затронута в статьях В. Афанасьева, В. Келдыша, И. Минераловой, М. Штерн и др. Не остался без внимания вопрос «модерности» бунинских произведений и в зарубежном литературоведении, что нашло своё отражение в работах Т. Винера, Дж. Вудворда, Д. Ричардса и др.

Уже в самых первых статьях, посвящённых осмыслению принадлежности Бунина к опре-

делённому литературному течению, отмечалось особое положение памяти, воспоминания в его творчестве. «Воспоминанье» у Бунина, действительно, возводится на степень какого-то божества» [15, 319] – писал критик В.М. Шулятиков. «Бунин типичнейший представитель этой категории людей, для которых высшая прелесть бытия в тихой тоске по уходящем и невозвратном» [6, 308] – вторил ему А.А. Измайлов.

Зарубежные исследователи в работах, посвящённых изучению модернистских проявлений в произведениях Бунина, ставили память в центр мировоззренческих установок, отводили ей ключевые позиции в творческом методе художника. В статье «"Память и прошлое" – тема в произведениях Ивана Бунина» Д.И. Ричардс писал: «Повышенный интерес Бунина к прошлому не был результатом любопытства или... исторического романтизма, он был связан с основами бунинского мироощущения и творчества» [цит. по: 7, 738].

Серьёзным импульсом к изучению творчества Бунина, в его связях с модернизмом, стала монография Ю.В. Мальцева, значительно изменившая сложившиеся в литературоведении представления

о Бунине. Показательны названия глав – «Память», «Модерность», «Элизий памяти» – в которых исследователь проводит наблюдения над типологическими составляющими произведений Бунина, определяющими точки соприкосновения и отталкивания Бунина с символистами. Однако нас интересует выделенная Мальцевым в этих разделах как центральная проблема памяти в творчестве Бунина.

В работах российских учёных последних лет прослеживается тенденция к широкому соотношению наследия Бунина с эстетическим и философско-религиозным опытом Серебряного века (О. Бердникова, М. Кшондзер, Т. Двинятина). Проблема «Бунин и модернизм» была рассмотрена в рамках полномасштабного исследования в монографии И.Б. Ничипорова «Поэзия темна, в словах невыразима...». Ничипоров достаточно убедительно говорит о влиянии художественных принципов модернизма на Бунина и указывает на роль самого поэта в формировании эстетических принципов модернизма.

Дальнейшее исследование вопроса о модернизме бунинских произведений нуждается в детализации аспектов рассмотрения данной проблемы: отдельном внимании к прозе и поэзии, особому взгляду на литературно-эстетические категории, такие, например, как культурная память и символика. Наиболее целесообразным с нашей точки зрения является сравнительный анализ конкретных произведений представителей различных литературных школ, работавших в одних и тех же исторических условиях. Подобный подход позволяет выявить разницу тематического наполнения и стилистических приёмов, используемых в их творчестве.

Символисты, выступая как оформившееся литературное течение, справедливо считали, что символ не является особенностью только их творчества – все зависит от характера его употребления. Символ, по мысли Мережковского – выражение духовной глубины художника [9]. По мнению Вяч. Иванова, символ – «неисчерпаем и беспределен», он основа мифа и означает нечто, несущее в себе тайну [5]. Однако один из лидеров символистов – Брюсов – в предисловии к сборнику «Третья Стража» выступил против причисления себя к какой-то особой поэтической школе: «Было бы неверно видеть во мне защитника каких-либо обособленных взглядов на поэзию... ибо конечная цель искусства – выразить полноту души художника» [2, 588-589]. Сходное мнение о природе символизма выразил известный критик С.А. Венгеров: «Символизм – это один из вековых приёмов искусства или, вернее, самая сущность искусства, так как только путём символизации, то есть отвлечения от предмета

изображения его общих свойств, мы и получаем художественные образы» [13, 1].

О стремлении совершенствования литературной практики, близости взглядов Бунина и поэтов-символистов говорит выдержка из его письма Брюсову: «Я, вникнув в Вашу книгу, за последнее время отношусь к Вам как к поэту с ещё большим уважением, чем прежде; Вы знаете также, что ко всем вам я питаю очень большое расположение как к товарищам, к немногим товарищам, дорогим мне по настроениям и единомыслию во многом» [4, 355].

В поэтическом багаже Бунина и Брюсова есть несколько стихотворений, имеющих одинаковое название и близких тематически: «Венеция», «Бальдер», «Встреча». И хотя подобные названия стихотворений характерны для поэзии Серебряного века, мы обратили внимание на творчество Бунина и Брюсова по следующим причинам – это их общий поэтический возраст, схожие интересы и дружеские отношения в молодости. Необходимо отметить, что Брюсовым было написано два стихотворения под названием «Встреча», нас же интересует стихотворение 1906 года, соприкасающееся со стихотворением Бунина на уровне мотивной аналогии. Однако не только сходные литературные мотивы и образы, но и стилевые черты, словесная живопись позволяют сопоставить произведения различных авторов.

Брюсов, обратившись к любовной тематике, помещает лирического героя в антураж дворцов, палм и пирамид Древнего Египта. Символом любви лирического героя становится история древнеегипетских божеств. Из пяти богов, рожденных Реей и Кроносом, особенно близкими были Исида и Осирис. Осирис, ставший царём Египта, был убит Сетом. Изида нашла труп возлюбленного брата и мужа и стала оплакивать его. Разгневанный Сет разрубил Осириса на четырнадцать частей. Анубис, по приказу Ра, собрал тело Осириса и забальзамировал его. У Изиды чудесным образом родился сын по имени Гор, отомстивший Сету за смерть отца. Он воскресил Осириса, но тот остался в царстве мертвых, предоставив Гору право управлять Египтом.

Брюсов был знаком с трудами древнегреческих историков и имел прекрасное представление о Древнем Египте: верованиях, географических особенностях и правителях. У Геродота и Страбона упоминается мифическое озеро Мерида, а Плутарх пересказал легенду «Об Осирисе и Изиде»:

Близ медлительного Нила, там, где озеро Мерида в царстве пламенного Ра,

Ты давно меня любила, как Озириса Изиды, друг, царица и сестра! [2, 474].

Словно повторяющиеся ноты, сонорные звуки отдельных фраз, сливаются в голосовую

мелодию, задают определённый ритм: ли-ли-ль-ла, ро-ри-р-ра. Изысканное использование аллитерации и ассонанса, необычное построение строф, звучные имена мифических героев воссоздают атмосферу праздника, передают великолепие и роскошь дворцов, придают поэтическому произведению Брюсова особую торжественность и музыкальность.

Ведущий мотив стихотворения – плотская страсть, любовь лирического героя, которую он несёт через века, возрождаясь в новых поколениях людей, и в связи с этим представляют интерес сопоставления: «счастье – было» (существовало), «страсть – воспоминанье» (несуществующее) – т. е. возрождение страсти воскресит счастье:

Наше счастье – прежде было, наша страсть – воспоминанье, наша жизнь – не в первый раз,

И, за временной могилой, неугасиме желанья с прежней силой дышат в нас,

Как близ Нила, в час свиданья, в роковой и краткий час! [2, 474].

Но не только о плотской страсти говорит Брюсов, между лирическим героем и его возлюбленной существует некая духовная связь, выраженная особым символическим языком общения, скрытым в «гимнов звуке»:

Разве ты, в сияньи бала, легкий стан склонив мне в руки, через завесу времен,

Не слышала кимвала, не постигла гимнов звуки и толпы ответный стон?

Не сказала, что разлуки – кончен, кончен долгий сон! [2, 474].

В стихотворении Бунина духовная связь лирического героя с его возлюбленной реализуется как некое видение, для которого не существует ни времени, ни расстояния, существует лишь вечная «морская синь». Именно «морская синь» становится символом памяти и любви. Любовь эта – бес-плотная, но томимая страстью обладания: «Вновь оживет мечта о древней были. / Моя неутоленная любовь» [3, 372].

В своих описаниях поэт балансирует между прозой жизни и красотой художественного образа. Он очень осторожен в выборе средств изображения и самого изображения, подчёркивая характерные черты, он выбирает не самые ужасающие и не самые привлекательные из них, но самые запоминающиеся:

Все та же ты, как в сказочные годы!

Все те же губы, тот же взгляд,

Исполненный и рабства и свободы,

Умерший на земле уже стократ.

Все тот же зной и дикий запах лука

В телесном запахе твоём [3, 371].

Можно забыть цвет глаз, детали одежды, но запах лука запомнится. Это не запах трав или цветов, не свежесть моря, не роскошный аромат

духов, а запах простолоудинки, степной женщины, что позволяет по одной детали определить её происхождение [Подробнее см.: 12].

Уже в первых строках Бунин использует инверсию (приём, характерный для символистов), усиливая акцент на дикой грации и непритязательной красоте половчанки. Рифма «обнажённой – обожжённой», порождает ассоциативный ряд: «женственный», «божественный», «обожжаемый», что подчёркивается использованием аллитерации и ассонанса:

Ты на плече, рукою обнажённой,

От зноя темной и худой,

Несешь кувшин из глины обожжённой,

Наполненный тяжелою водой [3, 371].

Брюсов, взяв за основу древнеегипетскую легенду, пользуется мифологической символикой. Функционально память кодирует историю идеального чувства, возникшего между богами. Любовь Осириса и Изиды – проявление высших идеалов верности. Наградой за преданность становится вечная любовь, возрождающаяся с каждым поколением. По мнению Е.В. Шахматовой: «У Брюсова отчётливо звучит мотив возвращения... Мысль о бесконечном круговороте жизни неоднократно высказывается им...» [14, 187].

Мотив возрождения присутствует в обоих стихотворениях, но представлен он по-разному. Мотивные аналогии, выявленные в стихотворениях, реализованы на смысловом сближении (упоминание «сказки» как метафоры первой встречи; выражение страсти фразами: «неугасиме желаний» и «сладостной муки») и лексическом противопоставлении (представление мотива возрождения – «наша жизнь не в первый раз» и «умерший на земле уже стократ») языковых единиц.

Если герои Брюсова находятся в экзотической обстановке Древнего Египта, то героиня бунинского стихотворения представлена в степях Придонья, близ Азовского или Чёрного морей, в местах кочевий полловецких племён. Известно, что Бунин высоко ценил «Слово о полку Игореве» и, видимо, поэтому поместил героиню в страну полловец-куман:

С нагих холмов, где стелются сухие

Седые злаки и полынь,

Глядишь в простор туманной Кумани.

В морскую вечеряющую синь [3, 371].

Однако, по нашему мнению, «Встреча» несёт в себе более глубокий символический смысл. Время написания стихотворения 1922 год – нетрудно догадаться, что рана, вызванная вынужденной разлукой с Россией, кро-воточила в душе поэта. Степные просторы, занятые в древности куманами, простирались до елецких земель – мест, кото-

рые тесно связывали Бунина с Россией, которую он совсем недавно вынужден был покинуть. Его стихотворение, помимо любви к женщине, проникнуто тоской по Родине:

*И будет вновь в морской вечерней сини.
В ее задумчивой дали,
Все тот же зов, печаль времен, пустыни,
И красота полуденной земли [3, 372].*

Несложно заметить в «вынужденном кочевье» Бунина связь с судьбой половцев. Как столетия назад куманы покинули свои земли под натиском более сильных и жестоких азиатских племён, так и многие соотечественники Бунина после событий 1917 года вынуждены были отправиться в эмиграцию под натиском большевиков. Племена половцев-куман обосновались в Венгрии, где до сих пор существует область, называемая Кумания. Подобно половцам, русские эмигранты основали свои колонии в Европе. Подтверждением нашего предположения являются строки, где говорится о христианской вере степной женщины, хотя известно, что половцы были язычниками: «Через века найду в пустой могиле / Твой крест серебряный» [3, 371]. Следовательно, стихотворение несёт в себе ностальгический подтекст, это не только воспоминание о возлюбленной, но и память о покинутой родине.

Особую роль играет в бунинском стихотворении эпитет – подчеркнутый субъективный, казалось бы, взятый произвольно, но одновременно отражающий реалии объективного мира («дикий запах», «задумчивая даль» и т. д.). Брюсов же предпочитает метафоры и перифразы («царство пламенного Ра», «за временной могилой» и т. д.).

Если память в поэзии Бунина ищет опору в истории, в реальных событиях прошлого, то обращение к прошлому в поэзии модернистов уходит своими корнями в воображение автора, строится на его причудливых видениях. В отличие от символистов, выносящих на первый план произведений лирическое «я», проявление индивидуализма в поэзии Бунина ступенообразно и выражается в передаче индивидуального впечатления. Провозглашённый символистами субъективизм творчества, выражавшийся в недосказанности, потаённости смысла, был по своему реализован и в произведениях Бунина. Брюсов реализует проявление индивидуально-личностного начала в мифологическом сюжете, Бунин – в биографическом подтексте. Бунин – поэт потаённого смысла, он в большей степени лично-стен, чем Брюсов, упрекавший его стихотворения в фотографичности и внеличности. Новации Бунина на уровне поэтики художественного образа близки символистам, но не равнозначны им. Его стихотворения от-

личает простота описаний и реалистичность деталей, однако их глубинный смысл зашифрован. Ключом к расшифровке становится память. В.М. Акаткин в статье о Бунине справедливо отметил: «Ему дано было остаться кусочком зеркала от «золотого века», в котором отразился, сменяя его, век «серебряный» [1, 11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Акаткин В.М. Река Времён / В.М. Акаткин – Воронеж : ВГУ, 1998. – 216 с.
2. Брюсов В.Я. Собр. соч.: в 7 т. / В.Я. Брюсов – М. : Худ. Лит., 1973. – Т. 1. – 672 с.
3. Бунин И.А. Собр. Соч. в 6 т. / И.А. Бунин – М. : Худ. лит., 1987. – Т. 1. – 686 с.
4. И.А. Бунин Письма 1889-1904 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова. – М. : ИМЛИ РАН, 2003. – 767 с.
5. Иванов Вяч. И. Поэт и чернь / Вяч.И. Иванов // Собр. соч.: в 4 т. – Брюссель, 1979. – Т. 1. – С. 709-714.
6. Измайлов А.А. Ранняя осень (Поэзия и проза И.А. Бунина) / А.А. Измайлов // И.А. Бунин: pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке рус. и зарубеж. мыслителей и исследователей. – СПб. : РХГИ, 2001. – С. 307-316.
7. Лошинская Н.В. «Уникальность», «традиция», «модернизм»: Творчество И.А. Бунина в восприятии английских и американских славистов на рубеже 1960-1970-х годов / Н.В. Лошинская // И.А. Бунин: pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке рус. и зарубеж. мыслителей и исследователей – СПб. : РХГИ, 2001. – С. 731-749.
8. Мальцев Ю. Жизнь Бунина 1870 – 1953 / Ю. Мальцев – Франкфурт-на-Майне : Посев, 1994. – 432 с.
9. Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы / Д.С. Мережковский // Эстетика и критика: в 2 т. – М. : Искусство, 1994. – Т. 1. – С. 137-225.
10. Ничипоров И.Б. Поэзия темна, в словах невыразима... Творчество И.А. Бунина и модернизм: Монография / И.Б. Ничипоров – М. : Метафора, 2003. – 256 с.
11. Рак И.В. Мифы Древнего Египта / И.В. Рак. – СПб. : Петро-РИФ, 1993. – 269 с.
12. Рогачёва Н.А. Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX – начала XX вв.: проблемы поэтики: монография / Н.А. Рогачёва. – Тюмень : ТГУ, 2010. – 404 с.
13. Русская литература XX века (1890 – 1910) / под ред. С. Венгерова. – М. : Республика, 2004. – 543 с.

О.Н. Фенчук

14. Шахматова Е.В. Метемпсихоз в культуре Серебряного века / Е.В. Шахматова // Религиоведение, 2009. – №1. – С. 183-196.

15. Шулятиков В.М. Этапы новейшей лирики: Надсон, Апухтин, Вл. Соловьёв, Мереж-

ковский, Минский, Голенищев-Кутузов, Бунин / В.М. Шулятиков // И.А. Бунин: pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке рус. и зарубеж. мыслителей и исследователей – СПб. : РХГИ, 2001. – С. 317-322.

Фенчук О.Н.

Воронежский государственный университет

Аспирант кафедры теории литературы и фольклора

e-mail: olnof@yandex.ru

Fenchuk O.N.

Voronezh State University

Post-graduate student of the Chair of the theory of the literature and folklore

РЕПОЗИТОРИЙ БАРГУ